

Размышляя о развитии науки и человеческой мысли, устремленной к вершинам познания, Вико приходит к выводу, который, действительно, воскрешает в памяти знаменитый дантовский зачин: «На полдороге остановились как Философы, которые не подкрепляли своих соображений Авторитетом Филологов, так и Филологи, которые не постарались оправдать своего авторитета Разумом Философов: если бы они это сделали, то были бы полезнее для Государства и предупредили бы нас в отк р ы т и н а ш е й Н а у к и» (76) (разрядка моя.— Л. С.).

Что имел в виду Вико, выдвигая тезис о необходимости и общественной полезности сближения философии и филологии? Ведь, как известно, интерес к языку, начиная с древней Греции и включая XVIII в., был исключительно метафизическим, а зависимость рассмотрения языка от философии, в особенности от логики, отразившаяся во всех грамматических учениях Европы, и преобладание спекулятивного умозрения над эмпирическим наблюдением справедливо расцениваются как тормоз, препятствующий историческому познанию языкового развития вплоть до XIX в., которым открывается новый этап в становлении научного языковедения. Связь философии и филологии в трактовке Вико можно охарактеризовать, используя известную перифразу Ницше: «*Philosophia facta est, quae philologia fuit*» («стало философией то, что раньше было филологией»), которую в свою очередь могла бы использовать в качестве своего девиза школа аналитической философии.

Две науки, остановившиеся на половине пути в познании природы человека, — философия, рассматривающая человека в его вечной, вневременной сущности, и филология, рассматривающая человека в конкретной обыденности, — по замыслу Вико, должны слиться в одной науке, основания которой он и пытается установить. Виконианская гносеология основывается на принципе «истинного знания, которое есть не что иное, как совершенствование человека в самой его человеческой сущности, каковой являются разум и язык»¹⁷. «Новая наука», которую сам автор называет философией и филологией рода человеческого, делится на две части — основания идей и основания языков. Кроме того, «Вико пришел к необходимости, — как он сообщает в своей „Автобиографии“, — сделать филологию научной в обеих ее частях — истории языков и истории вещей. История вещей должна подтверждать историю языков, и тогда в такой системе дружелюбно будут уживаться максимумы мудрецов — Академиков с практической деятельностью Государственных мудрецов» (491). Вико открывает свою науку посредством «нового критического искусства» нахождения истины в глубине народных преданий, «которая с течением лет и с переменю языков и обычаев дошла до нас под покровом ложного» (77). По мнению Вико, «простонародные языки должны быть наиболее важными свидетелями древних народных обычаев, соблюдавшихся в те времена, когда у этих народов образовывались языки» (там же).

Вико одним из первых мыслителей задался целью сообщить бесконечному разнообразию фактов и событий единство внутреннего плана развития, открыв «идеальную и вечную историю единообразного хода наций». Чтобы воспринять суть этой «вечной идеальной истории», согласно которой человечество проходит через три периода развития — век богов, героев и людей, которым соответствуют три способа выражения мысли, — важно уловить те первичные интуиции, лежащие в основе его построений, ту общую метафору, которая позволила бы разглядеть в форме мифологической триады, почерпнутой из древнеегипетской традиции, основу, соответствующую виконианской концепции исторической динамики. Это, как нам кажется, тем более необходимо сделать еще и потому, что Вико сознательно избрал метафорическую или, выражаясь его языком, «героическую» форму в качестве стиля научного изложения. «С нашей наукой

¹⁷ *Vico G. B. Scritti vari e pagine sparse*, a cura di F. Nicolini. Bari, 1940, p. 33.